существует гипотеза о его африканском — «эфиопском» происхождении[55]. В пользу этого предположения, помимо самого имени, свидетельствуют и расовый состав жителей родины Теренция, Карфагена, дающий с равным правом считать, что он мог быть и негроидом, и эфиопоидом; и толерантность Рима и античного мира в целом к цивилизованным представителям других национальностей и рас, которых охотно включали в собственное общество.

Также, исходя преимущественно из имени и основываясь на антропологической значимости чёрного цвета кожи и курчавости, спутника Одиссея Эврибата считали эфиопом[56].

Вообще отражаемые в именах антропологические признаки, в первую очередь чёрнокожесть и курчавость, убедительно доказывают их важность в древних идентификациях варваров-негроидов.

2. СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНОВ «ЭФИОП» И «ЭФИОПИЯ» И ОБЪЁМ ЗНАНИЙ АНТИЧНОГО МИРА О СТРАНЕ И ЛЮДЯХ

Выяснение конкретного содержания этих терминов возможно лишь при контекстуальном анализе имеющихся свидетельств и полном учёте объёма реальных знаний данного автора и его времени. Помимо этого необходима также проверка каждого свидетельства в диахроническом плане. Часто верификация того или иного сообщения оказывается успешной при сопоставлении с невербальными свидетельствами, синхронными письменному источнику; в этом смысле большую помощь оказывают данные археологии (в частности, керамические и нумизматические материалы) и античное изобразительное искусство разных жанров.

Хотя начало этнокультурных контактов Африки со странами Восточного Средиземноморья относится ещё ко II тыс. до н.э.[57], первые письменные свидетельства об Африке принадлежат Гомеру и ранней греческой поэтической традиции и отличаются известной расплывчатостью и мифолого-легендарным характером, прежде всего, разумеется, это относится именно к областям «Чёрной» Африки и «эфиопам». Только примерно с середины I тыс. до н.э. греческие письменные источники начинают фиксировать более определённые и реальные по характеру подробности антропологического и географического плана относительно африканских «эфиопов» и их стран.

Особенности развития греческой географической теории, достаточно смутно различавшей юг и восток, послужили причиной того, что, хотя, начиная с Геродота, считалось, что Эфиопия находится на юге, а Индия — на востоке, всё же в сознании многих они нередко смешивались. Тем не менее чаще всего всё-таки остаётся возможность определить, идёт ли речь

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

об индийцах или об эфиопах, поскольку проблема «Индия — Эфиопия» достаточно разработана[58].

Геродот, рассказывая об индийцах и их стране (III, 98–106), различает их и эфиопов, но одновременно сравнивает тех и других, основываясь на сходстве в их облике (например, говорит, что семя у них чёрное, как и у эфиопов, — III, 101). В другом месте (III, 94) он сообщает, что парикании и эфиопы в Азии образовывали особую сатрапию — 17-й округ, а описывая армию Ксеркса, отмечает, что восточные эфиопы были поставлены рядом с индийцами и что «по виду народы эти нисколько не отличались друг от друга, разве только по языку и волосам. Действительно, восточные эфиопы имеют прямые волосы, между тем, у ливийских эфиопов волосы так курчавы, как ни у какого другого народа» (VII, 70).

В начальный период существования древней гомеровской традиции о Мемноне (Odys. XI, 552), при полном неразличении юга и востока, его ассоциировали с востоком, а именно с Сузами, хотя в более поздние времена Мемнона описывают и воспринимают как чёрного и эфиопа и локализуют в Африке. В целом обе традиции привязаны к востоку и югу, однако и в восточной версии, возможно, речь идёт о Мемноне-эфиопе, так как в Эламе известны негроиды, т.е. вектор ассоциаций всё равно был направлен к Египту[59].

Сравнений Индии с Эфиопией в геродотовом духе не слишком много (FGrH III C, 308–309[60]), однако эта линия в античной науке сохранялась практически постоянно: так, Страбон, возвращаясь к рассмотрению описанных Геродотом восточных эфиопов, подтверждает его утверждение о том, что «эти азиаты отличаются по внешности от ливийских эфиопов» (Strabo II, 3, 8).

Вообще, многие из проблем, поставленных Геродотом, продолжают обсуждаться до сих пор: в частности проблема западных и восточных эфиопов, не имеющая однозначного решения, поскольку разные авторы находят различные варианты ответа на неё (например, Бэдж полагает, что западные эфиопы — это негритянские племена западнее Белого Нила, а восточные — краснокожие племена восточных пустынь; но не все исследователи разделяют эту точку зрения[61]).

Тенденция к увеличению количества сравнений Индии и Эфиопии находится в прямой зависимости от постоянно углублявшихся со временем контактов античного мира, прежде всего с Индией, а также с Эфиопией («Чёрной» Африкой в целом). Сравнение это проводилось регулярно по разным аспектам: климату, флоре, фауне, внешнему виду жителей обеих стран[62]. Например, Страбон, во многом подытоживший длительнейшую греческую традицию, о сходстве Индии и Эфиопии писал в нескольких местах своего труда: Strabo XV, 1, 25; XV, 1, 19; XV, 1, 13; в последнем параграфе он говорит об одинаковых животных в Индии, Египте и Эфиопии;

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

в реках Индии — те же животные, исключая гиппопотама, что и в Египте и Эфиопии; южные индийцы того же цвета, что и эфиопы, а северные индийцы — что и египтяне. Арриан (Indica 6, 1–9) также сравнивал индийцев и эфиопов, говоря, что южные индийцы черны, как эфиопы, но не столь широконосы и курчавоволосы. Когда Александр обнаружил в Гидаспе (Strabo XV, 1, 25), а также в Инде крокодилов (Arrian., Anabasis 6, 1, 2), то он сделал вывод, что обнаружил истоки Нила. Впрочем, вопрос о Ниле всегда оставался тёмным и для учёных, и для широкой публики; Вергилий писал о Великой реке, что её цветной поток течёт из Индии — coloratis amnis devexus ab Indis (Georg. IV, 293)[63].

С параллелизмом (или просто с путаницей) Индии и Эфиопии мы встречаемся и в античных версиях и толкованиях мифологических тем и мотивов. Овидий пишет, что Персей привёз Андромеду от чёрных индийцев — Andromedam Perseus nigris portarit ab Indis (Ars amatoria I, 53); причём овидиева Индия вполне эквивалентна Эфиопии, что хорошо подтверждается описанием мифа о Персее и Андромеде Филостратом (Philostr., Imagines I, 29). Вообще хорошо выявляется общая тенденция ассоциировать мифологическую Эфиопию и древний миф в целом и согласовывать восточных и западных эфиопов с народами южнее Египта[64].

Гомер, первым зафиксировавший греческую мифологическую традицию, знал и об эфиопах, и об их стране, которые занимали прочное место в этой традиции, имели своё место в древнейшей картине ойкумены и, по-видимому, нередко встречались в повседневной жизни. Не вполне доказано, но весьма вероятно, что упоминаемый Гомером и описанный им как тёмнокожий и курчавый человек спутник Одиссея, вестник Эврибат, был эфиопом, а сам Гомер, как о том говорит предание, — африканцем.

Эфиопы Гомера — отдалённый народ, поделённый на две части («поселённый двояко»): на востоке — блаженные эфиопы, другие — на заходе солнца, на берегу Океана. Менелай, в странствиях своих побывавший и на Кипре, и в Финикии, и в Египте, посетил и эфиопов. Эфиопские мотивы постоянно возникают у Гомера: и при описаниях двенадцатидневных пиров богов у гостеприимных эфиопов, и в рассказе о великом герое Мемноне, цвет кожи которого напоминает окраску западных эфиопов позднейшего Геродота (Herod. III, 20 — долгоживущие эфиопы) – Iliad. I, 423–424; XXIII, 205–207; Odys. I, 22–24; IV, 84; V, 282, 287; XI, 552[65].

Кстати, не один Геродот возвращался к героям гомеровских поэм: проследил путь Менелая в Эфиопию учёнейший Страбон (I, 2, 31).

У Гомера нет физических характеристик эфиопов, но ясно, что греки этого времени знали их и по прямым контактам, и по косвенным данным: Эврибат — вестник Одиссея, сопровождавший его к Ахиллу (Iliad. II, 184; IX, 170), дан в описании Одиссея Пенелопе как тёмнокожий и курчавый (Odys. XIX, 246–247), что прекрасно совпадает со словесной моде-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

лью портрета эфиопа. Интересно, что этот эфиоп, единственный описанный Гомером, видимо, был хорошо известен, поскольку в ответ на вопрос Пенелопы о спутниках Одиссея упоминается именно он, Эврибат, как доказательство, по которому она узнала мужа (Odys. II, 15).

Одним из правителей Итаки был AIГYПTIOΣ — ЕГИПЕТ. Наличие в таком близком ситуативном и идеологическом «соседстве» и Эврибата, и Египта говорит об известном знакомстве и со страной фараонов, и с Эфиопией.

Слышал Гомер и о пигмеях, страну которых омывает Океан (Iliad. III, 6). И до времён Гомера изображения чёрных африканцев помещались на миносских и пилосских фресках; там же были обнаружены изделия из африканской слоновой кости, осколки скорлупы страусовых яиц и другие материальные следы контактов с Африкой[66]. Помимо изобразительных документов — африканских растений (лилий, пальм, киренского сильфия), животных (обезьян, нильского бегемота, кошек), людей негроидного типа, как на пилосской фреске с названием «предводитель отряда чернокожих солдат», здесь же, на глиняных пилосских табличках, сохранились два слова из микенского языка, одно из которых — «ai-ku-pi-ti-jo» — означает «aigyptios» — египтянин, другое же, вызвавшее споры исследователей в его понимании, но однозначно прочитанное, как «ai-ti-jo-qo», — эфиоп[67]. Даже если учесть, что по гипотезе Вентриса, Чэдвика и Баумбаха это слово обозначает именно африканских эфиопов, а по мнению Стеллы и Диле — это название азиатов с тёмным цветом кожи[68], то это всё равно не снижает ценности этого первого в Восточном Средиземноморье письменного документа, в котором зафиксировано античное имя эфиопов.

Вопрос о локализации гомеровских эфиопов достаточно сложен и противоречив: он по-разному решался в древности, и, соответственно, на него имеются различные ответы в исследованиях современных учёных. Так, гомеровских пигмеев одни помещали на берегу Океана[69], другие полагали, что речь идёт о реальных местах обитания африканских пигмеев — центральных районах экваториальной Африки — и что эти достоверные сведения были получены косвенным путём, самих же гомеровских эфиопов часто склонны были помещать в Палестине, хотя варианты локализации в Африке также подвергались подробному обсуждению[70].

Кроме упомянутой гипотезы о палестинской локализации эфиопов Гомера, существует ещё по крайней мере три, базирующиеся на данных античных источников позиции. По одной из них, гомеровские эфиопы жили где-то в крайней южной стране выше Египта, у восхода солнца, были чернокожими и представляли собой восточную часть эфиопов; другая их часть обитала на закате солнца (ср. мнение Гесиода, приведённое у Страбона VII, 3, 7), у Пилоса и Геркулесовых Столпов. По второй гипотезе считается, что восточная часть гомеровых эфиопов по типу — негроиды Сомали, а более

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

западные — суданцы, земли которых простирались от нильской равнины на запад до бесконечности. Третья гипотеза помещает гомеровских эфиопов на берегу Красного моря, а западных — у верховьев Нила.

Гесиод первым соединил сицилийцев с эфиопами мерой географических крайностей — северных и южных; он не даёт описания своих эфиопов, но упоминает народ и город чёрных людей (κυανέων ἀνδρῶν δῆμόν τε πόλιν — Opera et dies 527). Эос и Титан — родители Мемнона, согласно ранней поэтической греческой традиции, бродили где-то у Океана, на краю земли, не имея определённого места проживания (Hymnus ad Venerem 225–227; Hesiod., Theogonia 984–985); интересно отметить, что в ранней греческой иконографической традиции Мемнон, как правило, изображался белым.

По Афинею, Архилох упоминал эфиопа Коринфа (Αἰθίοψ употреблено в качестве когномена), который участвовал в основании Сиракуз (734 г. до н.э.) — (Atheneus 4, 167d; Arch. Frg. 145 /126/[71]). Однако точное значение слова «эфиоп» в этот ранний период установить трудно; безусловно лишь значение тёмного цвета кожи.

Мимнерм (Frg. 8 (Loeb) 94) помещает своих эфиопов на востоке, когда описывает солнце, похищаемое из страны Гесперид в страну эфиопов.

Первым, кто определённо поместил эфиопов в Африке, был Эсхил (Aeschil. Prometheus vinctus 808–809). Ио в соответствии с мифом о Прометее должна была, по его пророчеству, пройти в отдалённую страну, у солнечных вод, на берегу Эфиопской реки, в местах, где Нил стекает с гор, и там увидеть «чёрные народы»: «Беги на юг, где чёрные народы вкруг солнечных источников живут, где катится поток эфиопийский. Библосских гор увидишь ты хребет, откуда Нил свергает водопадом прозрачные, священные струи» (перевод Д. Мережковского). Некоторые комментаторы идентифицируют «Эфиопскую реку» с Нигером или говорят вообще о некоей реке страны чёрных людей, корреспондирующей в географии Эсхила с направлением течения Нила выше катарактов[72].

Согласно греческой исторической традиции (Herod. II, 152; 154), первыми греками, поселившимися в Египте при царе Псамметихе, были ионяне и карийцы, обучавшие эллинскому языку египтян, с VII–VI вв. прочно обосновавшиеся в Навкратисе и других местах и ставшие тем основным источником в этом районе Африки (после первой греческой колонии — Кирены, основание которой, как удалось установить, относится ещё к XI–X вв. до н.э.[73]), из которого греки метрополии получали все доступные сведения о Египте и глубинных районах Африки — Эфиопии. Здесь, в Египте (как, естественно, и в Киренаике), интерес местных греков (а через них, естественно, и материковых) к эфиопам резко увеличился, что нашло наглядное отражение в искусстве VI в.[74]

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

Значение Навкратиса как греческой колонии, наиболее интенсивно поставлявшей сведения об эфиопской Африке выше нильских порогов, высоко ценилось и в поздние века: о милетянах, поднимавшихся в царствование Псамметиха вверх по Нилу, а позднее основавших Навкратис, подробно вспоминает Страбон (XVII, 1, 18).

Основание Навкратиса именно при Псамметихе II (около 594 г. до н.э.) подтверждается данными археологии[75], хотя некоторые учёные время возникновения этой греческой колонии относят к середине VII в. до н.э.[76].

Вероятно, именно в Навкратисе возникла легенда о Бусирисе, сыне Эгипта, убитом одной из Данаид; известия о нём содержатся только в греческом предании — Arr. 3, 3, 1, Gell. 2, 6; Apollod. II, 5, 11 (версия о Бусирисе как сыне Посейдона и Лисианассы). По античному преданию, он был египетским царём и приносил в жертву чужеземцев, приходивших в его страну. Также с Навкратисом связывают Амасиса, рождённого в этом городе от матери-египтянки, метиса, который впоследствии стал царём Египта и покровительствовал грекам в своей стране, позволяя им селиться там и строить храмы своим богам (Herod. II, 172; III, 1), и женат он был на гречанке; мести от оскорблённого им царя персов Кира Амасис избежал благодаря внезапной смерти. С Египтом, Навкратисом, Псамметихом II связаны в греческой исторической традиции и другие греки, преимущественно купцы, мореплаватели и воины — основные посредники в получении греками на этой самой северной оконечности Африки сведений о коренных негроидных жителях в глубине континента; подтверждение этому предоставляют не только греческая литература, но и эпиграфические документы[77].

Наличие на территории самой Африки греческих городов, безусловно, способствовало концентрации в них массы сведений и живых впечатлений о «Чёрной» Африке, а отсюда вся масса полученных знаний об эфиопах сравнительно быстро и естественно (в силу непрекращающихся контактов с метрополией) попадала в пределы Греции. Ко времени Эсхила ранние знания греков об эфиопах уже широко циркулировали в Греции.

Эсхил уже принимал участие в греко-персидских войнах и, может быть, его интерес к эфиопам возник под впечатлением армии Ксеркса, в которой присутствовали и эфиопские воины. Ксенофану (580–480 гг. до н.э.) принадлежит описание эфиопов как чернокожих с широкими приплюснутыми носами; введя описание этой детали облика эфиопов, он оказался первым, кто ввёл новую черту их физической характеристики[78] — Frg. 16. Один из греческих купцов, названный в надписи из Абу-Симбела, был родом из Колофона (см. прим. 77). Видимо, сведения Ксенофана и могли быть получены от какого-то купца из Колофона, очевидца, побывавшего в Африке. Хотя существует также предположение, что Ксенофан сам совершил путешествие в Египет, познакомился там с эфиопами и эфиопской религией,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

сам обобщил свои наблюдения относительно антропологических деталей их внешности[79]. Антропологические детали у Эсхила и Ксенофана свидетельствуют о росте конкретных знаний об Эфиопии в их время.

У драматургов V в. до н.э. также используются различные фрагменты эфиопской мифологии: они дают развёрнутые и краткие описания и экзотические детали вроде снежных вершин гор, переполняющих во время таяния снегов воды Нила. Однако понятно, что специфика драматического жанра позволяла использовать лишь некий обобщённый образ Африки и африканца; не преследуя никаких научных задач, поэт передавал преимущественно эмоциональные впечатления от экзотических сторон чужой культуры; при этом всё же использование африканских мотивов в высокой поэзии говорит о том, что страны чёрных людей уже заняли прочное место в греческой культуре.

Решающий перелом в греческих представлениях об эфиопах связан с именем Геродота. Он первый, кому принадлежит наиболее основательный и достоверный свод свидетельств об эфиопах, основанный частично на автопсии, которая оказалась возможной благодаря тому, что по Нилу он дошёл до Элефантины, а там и в других местах дополнил собственные впечатления опросами и расспросами очевидцев-путешественников, местных жителей и египетских жрецов — всех тех, кто хорошо знал страны чёрных африканцев. Его географические знания часто неотчётливы и в целом оставляют желать лучшего, однако нарисованная им общая картина «Чёрной Африки» и образы эфиопов из разных частей материка (Herod. VII, 70) оказали наиболее мощное воздействие на формирование образа эфиопов у греков и практически определяли всю дальнейшую «античную африканистику».

Ясно, что геродотово понятие «эфиоп», несмотря на краткое упоминание азиатских эфиопов, включает преимущественно эфиопов африканских (IV, 197). Более всего его интересовали южные эфиопы, жившие выше Элефантины (II, 29). Информация Геродота об эфиопах юга чрезвычайно разнообразна и содержит, несмотря на частую отрывочность, а иногда фантастичность отдельных сведений, поистине впечатляющую сводку фактических данных. Он сообщает о столице «нильских» эфиопов Мероэ, расположенной в двух месяцах пути от Элефантины, отмечая, что она является собственным религиозным центром эфиопов; о живших вдоль Нила в юго-западном направлении эфиопах, находившихся под влиянием египетских «перебежчиков» — асмах (сембритах Эратосфена — Strabo XVII, 1, 2), и рассказывает историю их появления здесь при Псамметихе I (Herod. II, 29–32; III, 17–24; IV, 183); о долгоживущих эфиопах, макробиях, — самых высоких людях на востоке, избиравших царём самого из своего народа высокого человека и живших на самом краю земли; о троглодитах, пещерных эфиопах, говоривших на языке, напоминающем писк летучих

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

мышей, и живших южнее гарамантов (II, 32)[80]; об обнаруженных экспедицией насамонов пигмеях, одевавшихся в пальмовые листья и которых когда-то видел Сатасп в путешествии вдоль западного побережья, — негрское племя, обитавшее то ли в Сенегале, то ли в Гвинее (Herodot IV, 43)[81].

Поразительно, что, несмотря на частые географические сбивы и явные ошибки, Геродот даёт практически адекватное (за исключением случаев, затрагивающих мифолого-легендарные темы) перечисление эфиопов, живущих к югу от Египта и, может быть, даже обитателей Центральной и Западной Африки. Макробиев он помещает гораздо дальше на юге, чем более поздние писатели (III, 17–23); при этом, хотя их «солнечный стол» и заставляет вспомнить пир гомеровских богов, в этом эпизоде ясно виден интерес Геродота к чисто этнографическим подробностям (III, 18), благодаря чему в нашем распоряжении оказываются уникальные по ценности свидетельства об архаических верованиях и обрядах автохтонов Африки южнее Сахары.

После Геродота эфиопы южнее Египта перестали быть плодом домысла и стали абсолютной реалией Африки. Меньше сведений даёт Геродот о западных эфиопах: его сообщение об оплыве Африки экспедицией фараона Нехо не содержит описаний обитателей Западной Африки (IV, 42); описания Сатаспа (IV, 43) неопределённы. Об этих районах Эфиопии существенные сведения содержатся в Перипле карфагенянина Ганнона, который предпринял экспедицию вдоль западного побережья Африки то ли до 500 г. до н.э., то ли после 480 г., а может быть и около 450 года до н.э., и маршрут которого трудно устанавливается и до сих пор вызывает споры исследователей, пытающихся установить конечную точку побережья, которой удалось достичь Ганнону: не ясно, дошёл ли он до Гвинеи или Камеруна или повернул назад уже от марокканского побережья, что отчасти зависит и от идентификации знаменитой горы Ὄχημα τῶν θεῶν — Столпа богов (старый перевод — Колесница Богов) — с горой Какулима в Гвинее или горой Камерун; все эти вопросы породили значительную литературу[82]. Тем не менее по дошедшему до нас греческому переводу отчёта Ганнона об экспедиции возможно выделить некий ряд описаний жителей этого побережья, встреченных мореплавателями во время похода (Periplus /Hanno/ — GGM I, 1–14): племя диких людей в гористой области; троглодиты, бегающие быстрее лошадей; горные антропофаги, не позволившие карфагенянам остановиться и закидавшие их камнями; племя с непонятным языком; переводчики-ликситы, плывшие перед кораблями экспедиции; некое племя с трубами, барабанами и цимбалами, звуки которых наводили страх и вызывали панику.

Остров Керна (обычно его идентифицируют с Herne, севернее Тропика Рака, или, по другой версии, с островом в устье реки Сенегал) — важная веха на эфиопском западе: южнее этого пункта были земли, почти не освоенные средиземноморскими мореходами.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

Перипл Скиллакса (Scyllax. Periplus — GGM I, 94) описывает Керне как рынок обмена между карфагенянами и эфиопами: основными товарами здесь были шкуры оленей, львов, леопардов, слоновые бивни, благовония, египетские камни и афинская утварь из керамики. Западных эфиопов Скиллакс описывает, явно следуя за Геродотом, как самых красивых и высоких людей на земле, повторяя и ту подробность их обычаев, что вождя своего они выбирают за выдающийся рост и силу.

Авторы IV в. до н.э. — Палефат, Эфор (Strabo I, 2, 26) — говорят, что в Керне жили эфиопы, пришедшие на остров из-за Геракловых Столпов. Эфор дополняет это сообщение, объясняя, что, перейдя Атласские горы, эфиопы из Ливии частью осели здесь, на Керне, а частью заняли большую часть побережья. Кстати, Атлас, который был границей распространения эфиопов (что сформулировано у Страбона — XVII, 3, 2), называется у Эфора горой Дирис (Dyris), что, по объяснению Страбона, является варварским наименованием Атласа. Возвращаясь к острову Керне, нужно ещё раз подчеркнуть его важность в представлениях о Западной Эфиопии как ориентире, за пределами которого земли или необитаемы, или чрезвычайно опасны их-за их неизвестности. Все позднейшие, после IV в. до н.э., иллюстрации по поводу эфиопов подтверждают это положение: Аполлоний Родосский говорит о пространствах на западе, дальше самой дальней горной цепи эфиопов (Apollonius Rhod. Argonautica, III, 1191–1192); Страбон (III, 5, 15) рассказывает о западных эфиопах, самых удалённых народах к югу от Карфагенской области, о них же, живущих «позади» Маврусии, на берегу океана (XVII, 3, 5), о лотофагах, живущих по ту сторону Маврусии, поблизости от западных эфиопов (III, 4, 3); Павсаний (I, 33, 5) рассказывает об эфиопах, которые были соседями мавров и жили далеко от насамонов; Исидор (Isidorus., Origines XIV, 5, 16) рассуждает о двух Эфиопиях, одна из которых — у самого восхода солнца, другая — у заката солнца, в Мавретании (ср. также FGrH /F. Jacoby/, Fg. 305–308). Ж. Десанж считает западных эфиопов (Aethiopes Hesperii) десигнатирующим термином для определения страны эфиопов, живших вдоль Океана, к югу от современного Марокко и примерно до мыса Нун (Cape Noun)[83]. Во всяком случае в V в. до н.э. познания греков о западных эфиопах значительно расширились в сравнении с ранними мифическими или полулегендарными сведениями, на смену которым с этого времени приходит стремление получать и углублять научные и конкретные знания об африканской реальности. Важнейшим путём и стимулом к расширению контактов с Африкой становятся путешествия, в которых античность черпает всё новые подробности, обогащающие её представления об этом необъятно большом и непознанном мире. Например, Демокрит посетил Эфиопию, как сообщает Диоген Лаэртский (Diogenes Laertius 9, 35); Плиний (Plin. N.H. VI, 35, 183; VI, 35, 94) говорит, что Симонид Младший жил в Мероэ пять лет и работал там, а море-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

ход Далион плавал во времена Птолемея II (283–246 гг. до н.э.) далеко на юг от Мероэ и впечатления свои записал в сохранившемся дневнике[84]. Их открытия плохо известны; исключение составляют некоторые сообщения Плиния Старшего.

Не сохранилась и целая серия книг под условным названием Aithiopica таких авторов, как Харон Лампсакский[85], Бион из Сол, Филон и Марцелл Эмпирик[86], которые писали исключительно на темы Эфиопии. Хотя одна Эфиопика, относящаяся уже к III в. н.э., — любовный греческий роман Гелиодора — сохранилась и, не являясь, как первоначальные Эфиопики, описанием подлинных путешествий, представляет собой чрезвычайно интересный источник для III в. н.э. по одной из стран античной Эфиопии — Мероэ[87]. Ценность этого источника заключается не только в том, что в нём отражена ситуация в Египте и Мероэ в указанное время, но также содержатся весьма разнообразные сведения об эфиопах из обширных областей верховьев Нила. Роман Гелиодора, созданный уже в послептолемеевскую эпоху и вобравший в себя благодаря интересу автора к вопросам географии и этнографии практически все сведения предшественников об этом районе, а также его собственные наблюдения, является своего рода компендиумом (пусть и не претендующим на научность) по нильской Эфиопии для указанного времени. Степень его надёжности подтверждается тем, что, по мнению исследователей, можно считать безусловной автопсию автора по Египту и весьма возможной вероятность его пребывания в Мероэ. Во всяком случае, несомненно, что автор бывал в Катадупах, у первого нильского порога, где завязывается сюжет романа, где традиционно бывало много греков, желавших получить информацию о странах эфиопов от местных жителей и приезжавших сюда из верховьев Нила купцов и эфиопов (Heliodor. II, 29–30); с теми же целями и в таких же обстоятельствах в своё время оказывались здесь Геродот (Herod. II, 29), Диодор (III, 11), Страбон (II, 5, 12) и Олимпиодор (Olimp. 37).

В частях, посвящённых Эфиопии, наблюдается совпадение между старой традицией античного восприятия эфиопов и настроениями III в., которые можно охарактеризовать как идеализирующие и утопические, порождавшие жанр социальной утопии. Однако реалии Эфиопии, несмотря на идеализирующую тенденцию автора (впрочем, совпадающую с традицией античного «мифа об Африке» в целом), переданы в этом источнике точно и достоверно.

Что касается мероитских реалий, то их широко использовали исследователи Куша[88], хотя приходится отметить иногда неоправданно завышенный рационализм в использовании «Эфиопики» в качестве исторического и этнографического источника, приводящий к отбрасыванию так называемых «сказочных» элементов повествования, хотя представляется, что и

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

в этих мифо-легендарных подробностях содержится важная информация, раскрывающая ОТНОШЕНИЕ греков к Эфиопии и эфиопам.

У Гелиодора сконцентрирована масса информации и реальных деталей по нильской Эфиопии: он подтверждает, что Филы, расположенные выше первых порогов Нила, оставались границей между египтянами и эфиопами и, таким образом, подтверждает принадлежность мероитов к эфиопам (IX, 26, 2); даёт наиболее точную из известных до него географическую характеристику Мероэ, в основном учитывающую данные Геродота (II, 29), Страбона (II, 5, 12; XVII, 1, 50) и Птолемея (IV, 7, 20) — (Heliodor. IX, 22, 7; X, 5); подробно и точно описывает природные условия, растительность, животный мир и полезные ископаемые; о Ниле, паводках, истоках, Астаборе и Асасобе (Белом и Голубом Ниле — (II, 28, 2–3); о жирафах и слонах в Мероэ (IX, 16, 3; 18, 3–8; X, 25, 2; X, 27) — (ср. Plin. N.H. V, 180); о большом количестве золота (что соответствует действительности и продолжает традиционную для античных представлений тему золота: Африка — страна золота) и месторождениях золота и изумрудов (IX, 1, 5; X, 8, 2; X, 32, 4; II, 30, 3; II, 32, 2; VII, 1, 3; IX, 6, 5; X, 11, 1) (об издревле — от Геродота — известных в этих районах золотых разработках ср. Plin. N.H. XXXVII).

Как было отмечено, Гелиодор хорошо различает египтян и мероитян, причисляя последних к эфиопам и описывая их как абсолютно чернокожих людей (II, 30, 1; X, 24, 1), что полностью подтверждается современными антропологическими исследованиями, установившими негрский расовый тип кушитов[89].

В источнике прекрасно описаны экономика и хозяйство мероитов: подробно охарактеризованы земледелие и скотоводство (IX, 5, 2; 6, 5), рыболовство (X, 4, 6), ремёсла (II; IV; IX; X). Рассказано о многочисленных городах (что подтверждается и другими античными источниками, и археологическими изысканиями) и общественном строе у мероитов: царь у них исполняет одновременно функции военачальника и первосвященника бога Солнца (IX; XI), он должен быть физически совершенным и самого высокого роста (X, 23, 4), царица была жрицей Селены; в высшем совете жрецов и старейшин заседали гимнософисты, а все взрослые мужчины образовывали народное собрание. Большое внимание Гелиодор уделяет также культам и верованиям мероитов, описывая алтари Гелиоса и жертвоприношения, в том числе человеческие (ср. данные Диодора — II, 55), на священном поле (что заставляет вспомнить о геродотовом «солнечном столе» и солнечном боге мероитов — III, 17–18); родоначальниками и героями эллинизированных царей Мероэ были Персей и Андромеда, а также Мемнон (IV, 8, 3; ср. о связи этих персонажей с Нильской Эфиопией в «Мифологической библиотеке» Аполлодора — Apollodor. II, 4; III, 12, 4). Рассказывается также о греческой образованности в среде мероитских эфиопов во времена современные автору (IX, 25, 3; X, 31, 1) и о наличии

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

собственной письменности (II, 31, 2; IV, 5, 2; 8; X, 12, 4), которая появилась в Мероэ около середины III в. до н.э.[89]

Существенные сведения даёт Гелиодор относительно соседних эфиопских народов. Он знает, что в состав Мероэ входили земли южных соседей — блеммиев, которые, будучи вместе с троглодитами подчинены власти мероитов, находились в их войске. Блеммии платили дань (X, 26, 2–3), а троглодиты, быстрые в беге и прекрасные лучники, сражались в армии мероитов (IX, 16, 2) и кочевали на границах Аравии. Кочевники-блеммии обитали в Восточной пустыне и были одним из племён бега, предков современных беджа (ср. аналогичные сведения у Страбона — XVII, 1, 2); с середины III в. до н.э. они стали эмансипироваться от мероитов. Племена троглодитов обитали «выше» блеммиев, на красноморском побережье от Суэца до Баб-эль-Мандебского пролива[91].

Сохранилось немало свидетельств того, что как греки, так позднее и римляне достаточно часто получали возможность лично увидеть страны эфиопов и приобретать новые знания о них. Например, Страбон поднимался по Нилу, состоя в свите префекта Египта Элия Галла, вплоть до Сиены и границ Эфиопии, и узнал там, что 120 кораблей регулярно совершают плавания из красноморского порта Миос Гормос в Индию (II, 5, 12).

Был в Египте и общался с эфиопскими послами, от которых получил много сведений из первых рук, и Диодор (III, 6, 3; III, 11, 3). Кстати, Диодор, как и все античные авторы, чрезвычайно широко использовал, помимо собственных данных, материалы предшественников. Особенно сильно он зависел от Агатархида, автора сочинения «Об Эритрейском море», широко использовавшего материалы известных ему Периплов. Отметим, что жанр периплов — «оплывов» — был чрезвычайно популярен у географов и всех «учёных» авторов, интересующихся Африкой, и давал ценные сведения уже в силу своей прагматической предназначенности — служить путеводителем для лоцманов и купцов, что требовало от такого рода сочинений чрезвычайной точности; этим объясняется, в частности, повышенный интерес учёных Посидония и Страбона к Периплу Эвдокса Кизикского даже спустя много времени после его плавания (Strabo II, 3, 4–5)[92]. В своих описаниях красноморских — восточных — эфиопов, содержащих множество полезных сведений, Диодор часто почти полностью повторяет Агатархида, что, впрочем, было обычным явлением в античной литературе и что хорошо показывает сопоставление их текстов: сообщение Диодора о золотых копях в этом регионе (III, 12–14) соответствует аналогичному у Агатархида (Agatharch., De Mari Erythraeo 23–29); рассказ об ихтиофагах («рыбоедах», занимавшихся, как подсказывает этноним, рыболовством), их обнажённости и обычае иметь общих жён — (Diodor. III, 15–20 = Agatharch. 31–46); о симах — известном эфиопском племени «курносых» — (Diodor. III, 28 = Agatharch. 57); об акридофагах, «поедателях саранчи» — (Diodor.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

III, 29 = Agatharch. 58); о ризофагах — «корнеедах» — (Diodor. III, 23 = Agatharch. 50); о струтофагах — «птицеедах» — (Diodor. III, 28 = Agatharch. 51); о троглодитах — быстро бегающих лучниках, обитающих в пещерах — (Diodor. III, 32–33 = Agatharch. 52); о кинегах — охотниках-звероловах — (Diodor. III, 25 = Agatharch. 52); о методах охоты на слонов — (Diodor. III, 26–27 = Agatharch. 53–56). Как уже отмечено, такая зависимость Диодора от данного литературного источника не являлась исключительным случаем; ценность его сочинения от этого становилась только выше в глазах современников, так как привлечение авторитета делало его сочинение ещё более веским; для нас же важно, что полученные от Агатархида сведения были им дополнены и уточнены собственными опросами эфиопов в Египте[93], а вся совокупность сведений позволила ему дать собственную классификацию и описание двух типов эфиопов: «диких» и «безупречных» («чистых») эфиопов — Diodor. III, 8; III, 2–7.

Вообще освоение античным миром Эфиопии с течением времени неизменно интенсифицировалось по всем возможным направлениям и с использованием всех средств: путями косвенными, через посредников, и прямыми — в результате непосредственных контактов в странах собственно эфиопских, а также на территориях «Белой» Африки, более доступной и раньше освоенной, наконец, в странах Средиземноморья, за пределами Африки. Естественно, что в римское время проникновение европейцев вглубь Эфиопии значительно усилилось. О масштабах этого процесса и глубине проникновения римлян в субъегипетскую Эфиопию можно судить (разумеется, с необходимыми оговорками и учётом случайностей) по находкам римских монет, обнаруженных даже на юге Родезии[94].

Особую проблему представляет вопрос об эфиопах в Северной Африке. Антропологическая и расовая картина этого региона изучена достаточно для того, чтобы охарактеризовать автохтонное население как преимущественно расово и антропологически однородное, относящееся к медитерранскому типу большой европеоидной расы, определяемое как ливо-берберское. При этом уже с глубокой древности здесь зафиксированы различные вкрапления, в том числе негроидные, эфиопоидные и койсанские, свидетельствующие об этнических контактах европеоидных автохтонов с негроидами — «эфиопами» южных регионов[95]. Более того, столь ценный для древнейших (включая и эпоху «зелёной Сахары») периодов североафриканской истории источник, как наскальные изображения Сахары, свидетельствует, что среди автохтонных охотников и кочевых скотоводов, рядом с европеоидными ливийцами представлено и значительное число явно выраженных негроидов — «эфиопов»[96].

Эта мозаичная в расовом отношении картина оставалась естественным образом типичной для североафриканского региона на протяжении всей доступной обозрению истории, при том что практически расово однородны-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

ми и компактными областями негроидного населения были, основываясь на подытоживающей всю античную эпоху карте Птолемея, Субъегипетская Эфиопия и Внутренняя Ливия — страны эфиопов[97]; в других областях севера, при отсутствии монолитных блоков негроидного населения, эфиопы были представлены чрезвычайно широко.

Присутствие негроидов — «эфиопов» — не только во внутренней Ливии, но и в самых северных приморских областях Белой Африки подтверждается не только письменными источниками, но и множеством изобразительных материалов разного времени, сохранивших образы чёрных эфиопов[98].

Признаваемая всеми исследователями чрезвычайная расовая «перемешанность» автохтонного населения Северной Африки, обусловленная совместным проживанием в одних и тех же местах с самых ранних эпох ливо-берберского и негроидного компонентов, приводила естественным образом к постоянной межрасовой «гибридизации», результатом которой стало заметное «потемнение» целых сегментов европеоидной части ливийцев и появление полностью «микстовых» этносов, о чём свидетельствуют, в частности, названия и описания некоторых из них в античной письменной традиции. Достаточно назвать имена таких этносов, как левкоэфиопы, или меланогетулы, о «двойной» — «чёрно-белой» — природе которых много писали античные авторы, признавая особый негроидный тип этих ливийцев результатом смешения с эфиопами: о ливийцах, «схожих с эфиопами», имеется множество указаний в источниках разного времени, начиная с Геродота (Herod. VII, 69) до Помпония Мелы (Pomp. Mela I, 4, 23), Плиния (Plin. N.H. V, 8, 43), Птолемея (IV, 6, 6; IV, 1, 5), Адаманта (Adamantius. Physiognomica 2, 31)[99] и других авторов, свидетельства которых по этой проблеме хорошо проанализированы и современными исследователями, широко привлекавшими археологические и антропологические материалы[100].

Примыкает к затронутой проблеме и вопрос о расовом типе одного из наиболее значительных в истории древней Северной Африки и Сахары народа гарамантов. При том что практически все античные источники изначально причисляют гарамантов к ливийцам (в чём не сомневаются и современные исследователи[101]), вопрос на первый взгляд кажется не столь простым, поскольку имеется достаточное количество источников, в которых говорится о гарамантах как эфиопах — среди них Плиний (Plin. N.H. XII, 107), Солин (Solinus 30, 2), Птолемей, описывающий гарамантов как большую часть эфиопов (Ptol. Geographia I, 8, 5), Исидор (Isidor., Origines IX, 2, 128); Лукан определял их расовый тип таким безусловно «эфиопским» термином, как PERUSTI — опалённые солнцем, обожжённые — чёрные (Lucan. IV, 679).

Однако подавляющее большинство источников, как уже сказано, причисляет гарамантов к европеоидным ливийцам и подчёркивает их несомнен-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

ное отличие от эфиопов: Strabo II, 5, 33; XVII, 3, 19; Dionysios Periegetes. Orbis descriptio. 217–218 (GGM III, 114). Результаты антропологических исследований огромного некрополя на месте бывшей столицы государства гарамантов — Гарамы (совр. Джерма), где проводились длительные археологические работы авторитетнейшей итальянской экспедицией под руководством Б. Паче, С. Серджи и Г. Капуто, показали, что по антропологическому типу в популяции гарамантов различаются четыре группы, две из которых (I и II) характеризуются как евроафриканские, средиземноморские, европеоидные, а в двух других — III — смешанный тип европеоидного и негроидного компонента, а IV — практически абсолютно негроидная группа[102].

Таким образом, выводы антропологов убедительно объясняют двойственность и кажущуюся противоречивость античных письменных свидетельств и одновременно их удивительную достоверность, поскольку окончательно выясняется расовая неоднородность гарамантского этноса, о которой свидетельствовали источники.

Объяснение этого факта требует учёта того безусловного обстоятельства, что 1) в Северной Африке издревле сосуществовали европеоидные ливо-берберы и негроидные «эфиопы»; 2) хорошо известная и основная для гарамантов в течение почти двух тысячелетий функция посредников в контактах разного рода (в первую очередь — обменно-торговых) между субсахарскими областями континента и средиземноморским регионом обусловливала их теснейшую связь с основным негроидным населением юга, многочисленные представители которого оказывались переместившимися в места обитания гарамантов; 3) номадический, всаднического подтипа, по преимуществу, хозяйственно-культурный тип гарамантского общества обусловливал потребность в хозяйственной кооперации с обществами земледельцев, следствием чего явилась достаточно ранняя практика захвата и подчинения земледельческих районов в суданской зоне за рубежом пустыни и установление между гарамантами и негроидными земледельцами длительных и взаимовыгодных отношений хозяйственной и политической кооперации, которая приводила, безусловно, и к увеличению межрасовых браков; 4) развитие пред- и раннегосударственных институтов у гарамантов вызывало социальную стратификацию их общества, в котором нижний социальный слой, нёсший на себе основные функции по обслуживанию крупномасштабных военно-кочевых структур, формировался исключительно из негроидных «эфиопов», занимавших нижнюю ступень на социальной лестнице гарамантского общества (по-видимому, они и составляли четвёртую, полностью негроидную антропологическую группу, выявленную в гарамантском некрополе у Джермы)[103].

Не менее сложно восстановить достоверную картину присутствия эфиопов на востоке — в Египте и Мероэ. Сам факт наличия с древнейших

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

времён постоянных контактов с южными областями — странами эфиопов и присутствия значительного количества эфиопов в этих древнейших государствах севера Африки не только общеизвестен, но и подтверждён в наиболее древних по возрасту письменных и невербальных источниках. Однако затруднение в выводах связано не столько в количестве имеющихся данных, сколько в том, что исследователи расходятся в оценке политической и культурной истории эфиопских народов южнее Египта. Лучше всего, пожалуй, осмыслены сведения древних источников по взаимоотношениям эфиопских народов с Египтом и Кушем в птолемеевский и римский периоды[104]. Достаточно подробно известно, что эфиопские народы, жившие южнее Египта, имели длительную традицию военных отношений с северными соседями и были хорошими воинами, кроме того, множество источников сообщает о том, что также с древнейших времён египтяне использовали негров в качестве прислужников на различных работах в сельском хозяйстве и ремесленных производствах, как торговцев, воинов и в других сферах жизни[105].

Тем не менее интерпретация чёрных людей на древнеегипетских изображениях различна: одни учёные видят в них тёмнокожих нубийцев, другие — негров[106], хотя, разумеется, ни у кого нет никакого сомнения в наличии множества негров, что отразилось и на вхождении в популяцию египтян заметного негрского компонента[107], а история XXV, эфиопской, династии говорит сама за себя[108].

При изучении контактов севера (вначале египтян, затем греков и римлян) с обитателями Эфиопии — стран южнее Египта — неизбежно возникает необходимость расовой идентификации тёмнокожих южан, живших в Нубии и более южных областях и известных по достаточно большому набору этнонимов, которые в системе античной расовой классификации входили как в рубрику «эфиопов», т.е. негроидов, так и в рубрику ливийцев, т.е. тёмных европеоидов. Таким образом, на первый план выдвигается проблема расово-этнической идентификации таких крупнейших и наиболее часто фигурирующих в историческом контексте этносов, как нубы, нобаты, нобады, блеммии, в отношении которых античные источники дают достаточно противоречивые сведения, из которых непросто выявляется отчётливая картина.

В первую очередь естественным образом возникает проблема идентификации нубов (нубийцев), обитателей ближайшей к Египту области «Эфиопии» древних, что заставляет рассмотреть две существующие в науке (и основанные на античных данных и теориях) гипотезы. По одной из них нубов, исходя из всей совокупности данных, отождествляют с блеммиями[109], по другой — их следует идентифицировать с нобатами (нобадами)[110], т.е. налицо определённая неясность, были ли нуба эфиопами или ливийцами?

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

Попытка подойти к ответу на этот вопрос требует анализа каждого из указанных этнонимов и учёта как античных теорий, так и данных, имеющихся в современной науке.

Имя блеммиев впервые называется Феокритом (III в. до н.э.) в форме Βλέμυες, с одним μ (VII, 114), хотя и в греческой, и латинской традициях существовала и форма написания с двумя μ — βλέμμυες, лат. — Blemmyes, Blemyes (Blegmies — Geograph. Ravenn. III, 3)[111]. Он помещает их где-то на неизвестном участке Нила, а схолиаст поясняет, что речь идёт «о чёрнокожем этносе эфиопов» (Scholia in Theocritum Vetera VII, 114a — ed. C. Wendel, p.106 — ἔθνος Αἰθιοπικὸν μελανόχρουν. Дионисий Периэгет также описывает блеммиев как эфиопов, называя их «блемиями, чёрными как копоть» (Dion. Periegetes. Orbis descriptio 220 = GGM III, 114: αἰθαλέων Βλεμύων), используя эпитет, синонимичный, судя по другим случаям употребления, термину «эфиоп» (ср. Eustathius. Commentarii 220 = GGM IV, 255: αἴθω, как дериват к Αἰθίοπες; Avienus. Descriptio orbis terrae 330 = GGM III, 180: nigri cute — «чёрнокожие»). Нонн описывает блеммиев как курчавых и чёрных, рассказывая о некоем военачальнике в войске индийского царя Дериада Блемии, получившем своё имя от блеммиев, по его мнению, из-за курчавых волос и внешности, поскольку они были знакомы с физическими особенностями блеммиев, на которых военачальник был похож (Nonnos. Dionysiaca 26, 341).

Блеммиев исследователи отождествляют с современными беджа[112], возводя историю их имени ещё к египетским источникам конца II тыс. до н.э.[113].

Очень многовариантна локализация блеммиев античными авторами, сохраняющая лишь одну общую особенность — этот народ неизменно помещали южнее Египта; другой особенностью следует считать то, что все варианты определения их местожительства зависели от их прочной привязки к Нилу. Соответственно, находит объяснение поражающий разброс крайних вариантов локализации: от Красноморья и глубинных районов юго-восточной Африки до крайнего запада и северо-запада — гор Атласа, что находится в зависимости от принадлежности авторов источников к одной из множества античных географических теорий об истоках Нила. Так, если Феокрит помещает блеммиев в истоках Нила, далеко на юге, то Эратосфен, судя по передаче Страбона (Strabo XVII, 1, 2), полагал, что они жили между Египтом и Мероэ и были эфиопами, подчиняясь эфиопам, пограничным с Египтом, а земли их простирались до Красного моря; Страбон же в другом месте (Strabo XVII, 1, 53) помещает их выше Сиены; Помпоний Мела и Плиний считают, что блеммии жили в глубинных районах Ливии и, принимая в расчёт легендарно-мифическую теорию о начале Нила в болотах, характеризуют их как болотных жителей (Pomp. Mela I, 4, 23; 8, 48; Plin. N.H. V, 46; ср. также Solin. XXI, 6; Martial., Cap. VI, 674; Isid., Etymol. XI,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

3, 17). У Дионисия Периэгета (Dionys. Perieg. 220 по реплике Присциена — Prisc., Perieg. 209) блеммии живут на побережье океана вблизи Керны, т.е. в пределах западных эфиопов, а последние, в свою очередь, обитали в горах, откуда берёт начало Нил (что соответствует версии о начале Нила на крайнем западе, в стране чёрных западных эфиопов — Pomp. Mela III, 9, 96).

Страбон называет блеммиев вместе с их ближайшими соседями — троглодитами, нубатами и мегабарами, объединяя их вместе как эфиопов, живущих выше Сиены и являющихся кочевниками, немногочисленными и невоинственными, хотя и считались таковыми в более древние времена, когда совершали частые набеги на северных соседей с целью грабежа (Strabo XVII, 1, 53). Помпоний Мела тоже отмечал в приведённом месте, что блеммии не имеют постоянного места жительства из-за пастушеско-кочевого образа жизни; в своих номадических походах они занимались также посреднической деятельностью в торговле купцов и уже в середине III в. до н.э. доходили до Аполлинополиса Магны. Блеммии, часто упоминаемые в римский период как номады, кочевали между Абиссинией, Египтом и Красным морем, подобно беджа в более поздние времена[114].

Таким образом, имеющиеся сведения античных авторов позволяют сделать вывод о том, что блеммии скорее всего были одной из групп негроидных «эфиопов». Однако нубов пытались отождествить и с другими их соседями — нубадами, или нобатами, которых античная традиция почти единодушно причисляла к европеоидным ливийцам, но также иногда к эфиопам. Рассмотрение этого сопоставления усложняется вариативностью и нередкой взаимозаменяемостью этнонимов НУБЫ, НУБАДЫ, НОБАТЫ.

Прежде всего представляется интересным рассмотреть варианты использования терминов НУБЫ, НУБАДЫ и НОБАТЫ, НОБАДЫ в античных источниках и эпиграфике[115]. Ознакомление с вопросом показывает, что в поздние периоды античной эпохи и в эпоху раннего христианства происходит унификация, и наиболее употребительным, если вообще не единственным этнонимом становится НОБАДЫ (NOBADES, NOBADAE): здесь особо следует отметить такие аутентичные источники, как надпись на стеле христианина Силко; текст из египетского папируса эпохи раннего христианства, описывающий угрозу со стороны «блеммиев и нобадов»; текст Иоанна Эфесского; кроме того, необходимо также учесть выводы крупнейших исследователей поздней Римской империи, основанные на анализе античных источников соответствующего периода[116]. Что касается примыкающих к этому времени Прокопия Кесарийского (I, 19, 28–36) и Косьмы Индикоплова (Topographia Christiana 3, 169C (ed. E.O. Windstedt / Cambridge, 1909, p.72), они используют термин NOBATAI Νοβάται, изменяя лишь одну букву, зато Приск возвращается к варианту предшествующих эпох и пишет, что в 453 г. НУБАДЫ — NOUBADES — и блеммии

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

потерпели сокрушительное поражение от римского полководца Максимина (Priscus 21 = FHG IV, p.100).

НОБАДОВ / НОБАТОВ / НУБАДОВ античные авторы идентифицировали, как было отмечено, с нубами. Так, Стефан Византийский, цитируя Аполлодора, сообщает, что НУБЫ (нубийцы) являются ливийским народом, живущим вдоль Нила и называющимся также нубеями (NOUBAEI), или нумидами (NOUMIDES). Под последним названием исследователи понимают, безусловно, нубадов — NOUBADES — и считают, что оно соответствует бытовавшему в северной Африке ливийскому термину, который греки переводили НОМАДЫ, а римляне — НУМИДЫ[117]. В этой связи возникает вопрос, в какой мере связаны с нубами или нубадами набабы Плиния, помещаемые в Цезарейской Мавретании (Plin. N.H. V, 21), на основании чего делался вывод о ливийском происхождении нубов Нубии[118], который, впрочем, не был принят, а заменён гипотезой о приходе их из района Кордофана[119]. Страбон же (XVII, 1, 53) помещает нубов выше Сиены и считает их эфиопами, а Плиний, используя термин НУБАИ, говорит, что они обитали в восьми днях пути от нелокализованного острова Сембрита на Ниле (Plin. N.H. VI, 35, 192), а Силий Италик описывает нубов, как EXUSTI — определением, синонимичным AETHIOPS, т.е. причисляет их к эфиопам (Sil. Italic., Punica, III, 269). Античные свидетельства говорят, что нубы были разделены на две части: одни — к югу от Мероэ (часть источников также подчёркивает, что они располагались на правом, восточном берегу реки), другие — к западу, в пустыне между Мероэ и Данголой. Но известная путаница всё же остаётся: так, Птолемей, не оспаривая этого положения, упоминает ещё одних НУБА в Ливии (Ptol. Geographia IV, 7, 10), что опять-таки даёт основание считать NUBAE и NOBADES ливийцами по происхождению, каковое мнение и разделяли некоторые античные авторы (ср. у Стафана Византийского s.v. NOUBAI).

В III в. н.э. нубы исчезают из номенклатуры этнонимов, упоминаемых в районе Мероэ и выше, вместо них упоминаются НОБАТЫ, по поводу чего Прокопий Кесарийский говорит, что им на смену пришли НОБАТЫ / НАБАДЫ из оазиса Карга (Procopius, De bello Persico I, 19, 28–29), а дальнейшая античная традиция считала набатов / нобадов тем же народом, что нубы (правда, некоторые современные учёные не считают нубов родственными набадам, полагая, что этноним нуба происходит от топонима Напата[120]). Что касается расовой идентификации этнонима нуба и заменяющих его или связанных с ним контекстуально имён — набаты / набады / нубады, то античная традиция не даёт вполне однозначного ответа, оставляя место и для «эфиопской», и для «ливийской» гипотез. Представляется, что отождествление нубов одновременно и с эфиопами-негроидами и с ливийцами-европеоидами можно объяснить их номадической деятельностью в районах, где в равной степени были представлены как племена юж-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН

ных негроидов, так и ливийские кочевники-скотоводы. Между тем в пользу того, что здесь превалировало именно негроидное население, помимо «эфиопского» значения описаний людей, обозначаемых анализируемыми терминами, свидетельствует доказанное положение о том, что мероиты относились к негрской расе, а антропологические данные для I–III вв. н.э. показывают, что негрский элемент здесь был доминирующим, хотя набор негроидных признаков мог сильно варьироваться[121].

О многовековых контактах, мирных и военных, стран севера (в первую очередь, конечно, Египта, а через него и античного мира) и Эфиопии, о многочисленности негроидов в Египте и других районах Северной Африки, о множестве сведений о странах и людях субсахарской и субъегипетской Африки всегда свидетельствовала античная историческая и легендарная традиция. Достаточно напомнить хотя бы Геродота, рассказывающего в Египетском логосе своей Истории о полученных египтянами знаниях, религиозных установлениях и разного рода благих дарах мудрости (Herod. II, 29; 137–140 и др.), или Диодора, также сохранившего традицию о южном происхождении многих египетских установлений и реалий, а также о том, что Египет был в своё время колонизован эфиопами (Diodor. I, 60, 65; III, 2, 1–4; III, 3, 2–7). И хотя трудно оспаривать мнение трезвого историка о том, что устная традиция, сохранённая Геродотом или Диодором, должна восприниматься с осторожностью, пока не будет получено её подтверждение из египетских источников[122], всё же современная наука получает всё больше материалов, укрепляющих доверие к античным письменным источникам по странам Эфиопии, что, конечно, не уменьшает трудности их интерпретации.

Следует заметить, что, несмотря на довольно некритическое отношение древних к сведениям о субъегипетской Эфиопии и Внутренней Ливии, на их веру в абсолютно сказочные рассказы о неведомых странах, всё же в источниках видны примеры, и отнюдь не единичные, достаточно хорошего знакомства (пусть часто непрямого) с этой страной[123].

3. ЭФИОПСКАЯ ТЕМА В АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ

Не приходится специально доказывать, что появление африканских мотивов в античной мифологии непосредственно связано с «открытием» для себя греками этой части обитаемого мира, её освоением и познанием. Изучение истории контактов стран восточного Средиземноморья с Африкой показало, что начало их относится ещё к догреческой эпохе, уходит своими корнями в архаические времена, и имеющиеся данные позволяют с уверенностью утверждать, что, по крайней мере, с конца III тыс. и во всяком случае, во II тыс. до н.э. они приобретают регулярный и интенсивный ха-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/987-5-02-025228-8/
© МАЭ РАН